

Шатина Н. В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с первой российской революцией: (На примере Москвы): дис. ...канд. ист. наук. М., 1989.

Яковлев Н. Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М.: Госполитиздат, 1957.

А. А. Иванов

ПРАВЫЕ МОНАРХИСТЫ И НИКОЛАЙ II: К ВОПРОСУ О КРИЗИСЕ МОНАРХИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Иванов Андрей Александрович, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9б andrey.a.ivanov@spbu.ru
Ivanov Andrey Aleksandrovich, associated professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation б andrey.a.ivanov@spbu.ru

Правые монархисты и Николай II: к вопросу о кризисе монархического сознания в начале XX века
Right monarchists and Nicholas II: Revisiting the crisis of monarchist consciousness at the beginning of the 20th century

Аннотация. На примере взглядов видных правых деятелей начала XX в. показывается и анализируется процесс деградации монархического мировоззрения, наметившийся в консервативной среде накануне революционных событий 1917 г. Анализируя частные суждения и откровенные признания таких видных консервативных политиков, как П. Н. Дурново, Б. В. Никольский, Л. А. Тихомиров, В. М. Пуришкевич, А. И. Дубровин и др. автор доклада показывает, насколько порой расходились публичные заявления правых о глубокой преданности самодержавному строю и их заверения о глубоком почитании последнего российского императора с тем, что говорилось ими в частных беседах, доверялось частным письмам и страницам дневников. В публикации на конкретных примерах показывается, как происходила мутация монархического сознания у ряда защитников самодержавного строя, ставшая в итоге одной из немаловажных причин крушения самодержавия.

Abstract. Exemplified by views of the prominent right public figures at the beginning of the 20th century, the process of degradation of monarchist philosophy of life which was felt in the conservative environment on the eve of revolutionary events of 1917 is shown and analyzed. Through analysis of private opinions and showdowns of such prominent conservative politicians as P. N. Durnovo, B. V. Nikolsky, L. A. Tikhomirov, V. M. Purishkevich, A. I. Dubrovin and others, the author of the report shows how much sometimes the public declarations of the right-wingers about complete devotion to the autocratic regime and assurances on deep veneration of the last Russian emperor were at variance with the things they mentioned in private conversations and what was trusted to private letters and diarized. The publication shows through specific examples how the monarchist consciousness of some advocates of the autocratic regime was twisted resulting in one of by no means unimportant reasons of dismantlement of the czarist rule.

Ключевые слова: русские монархисты, правые политики, самодержавие, Николай II, П. Н. Дурново, Л. А. Тихомиров, В. М. Пуришкевич, Б. В. Никольский.

Key words: Russian monarchists, right-wing politicians, autocracy, Nicholas II, P. N. Durnovo, L. A. Tikhomirov, V. M. Purishkevich, B. V. Nikolsky.

В 1911 г., рассуждая о сложившейся в стране ситуации, известный консервативный мыслитель Л. А. Тихомиров писал: «Россия историческая, т. е. православная и монархическая, была расшатана и так легко разбита ничтожнейшими силами своих врагов только потому, что у нее появилась гниль в ней самой. В ее защитниках, по привычке признававших православие и самодержавие, заглохло понимание, в чем заключается православие и самодержавие, а потому они не могли ни осуществлять жизни по этим, лишь номинально признаваемым, принципам, ни защищать их против нападения врагов. Ибо нельзя же защищать что бы то ни было, если мы не понимаем, в чем оно состоит. Без такого понимания мы, при всей ревности, будем защищать, может быть, то, что именно и не включает в себе православия или монархизма, а станем насмерть

биться за поддержание того, что на самом деле лишь искажало православие и монархию. Обыкновенно каждый строй именно и гибнет таким образом не от силы врагов, а от непригодности своих защитников»¹. Как показало время, Тихомиров оказался во многом прав — в крушении православной и самодержавной Российской империи оказались повинны не только революционные радикалы и либералы, но и те, кого принято относить к консерваторам. Уже в эмиграции, выступая в 1921 г. на монархическом съезде, бывший лидер Союза русского народа Н. Е. Марков вынужден был признать: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были ее враги, а потому, что слишком слабы были ее защитники»². Развивая эту мысль, он добавлял: «Падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли»³. Это «качественное оскудение монархистов», помимо прочего, нашло свое проявление и в кризисе монархического сознания, затронувшем многих видных деятелей правого движения. Приведем лишь некоторые, но довольно яркие примеры.

П. Н. Дурново — министр внутренних дел в 1905–1906 гг., а затем один из лидеров правой группы Государственного совета, несмотря на репутацию ретрограда, сам себя к таковым себя не относил. Как свидетельствовал А. Н. Наумов, Дурново в частном разговоре с ним посетовал на то, что его ошибочно считают «за заядлого монархиста», «реакционного защитника самодержавия» и «неисправимого „мракобеса“», не предполагая, что в глубине души он является «самым убежденным республиканцем», верящим в то, что в идеале население должно «иметь во главе управления им же самим избранного достойнейшего гражданина президентом». Но, сетовал далее Дурново, для «обширнейшей и разнохарактерной Российской империи» по «чисто практическим соображениям техника управления и цельность требует наличия исторически сложившегося царского стяга»⁴. Таким образом, для Дурново и близких ему по духу людей, самодержавие не воспринималось как богоданная форма правления, а ее необходимость для страны обосновывалась не религиозными или романтическими чувствами, а исключительно прагматически.

Десакрализация монархического принципа не преминула сказаться на отношении многих русских правых к личности последнего российского императора — Николая II. На фоне своего отца — Александра III, ставшего для правых фактически образцовым русским самодержцем, Николай II казался малоподходящей фигурой для управления империей в столь непростое время. Б. В. Никольский, имевший репутацию крайне правого монархиста, отмечал в 1912 г.: «Боже мой, какой ужас жить в царствование Николая II-го, знать столько, сколько я знаю, и понимать безнадежность будущего лет еще на 12–15!»⁵ Со временем эти настроения у Никольского только усилились. В 1915 г. он записал в дневнике: «Надо отдать Николаю II справедливость: если Бог не поможет и Россия сама себя не спасет, этот несчастный человек все погубит. Он во всяком случае заклеил себя перед народом и историей позорней и преступнее, чем даже Александр I»⁶.

¹ Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008. С. 249–250.

² Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М. Б. Смолин. М., 2002. С. 385.

³ Там же.

⁴ Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 150.

⁵ Б. В. Никольский. Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 2. С. 71.

⁶ Там же. С. 225.

Лидер Русского народного союза имени Михаила Архангела В. М. Пуришкевич, слывший ярым монархистом и публично не раз называвший себя «верноподданным сыном» государя, «всегда и бесменно стоящим на страже престола <...> обожяемого монарха», и даже обещавший «почтя за счастье» умереть за царя¹, на деле делать этого не собирался. Монархизм как *идеальный принцип* вступил у Пуришкевича в конфликт с реальным его воплощением. Николай II определенно *не устраивал* монархиста Пуришкевича как самодержец, ибо в его глазах царь не соответствовал своему высокому званию. Современники Пуришкевича утверждали, что услышав о себе нелестный отзыв, якобы принадлежащий самодержцу, политик произнес крамольную фразу: «Такого поддла и убить не грех»². Продолжая защищать монархический принцип, Пуришкевич не испытывал никакой симпатии к царю, которого в 1917 г. стал публично провозглашать «слабовольным»³. Политика глубоко возмущало, что царь отдал «бразды правления над великой Россией и над своим народом Змею Горынычу, — роковой для России женщине, супруге своей Александре Федоровне»⁴, а та — приблизила к царской семье Г. Е. Распутина. Пуришкевич не мог простить монарху, что все попытки «раскрыть ему глаза» со стороны «вернейших и честнейших слуг» Николай II воспринимал как бестактные. В 1919 г. на вопрос поэта М. А. Волошина, выступает ли он за восстановление на престоле династии Романовых, Пуришкевич со свойственной ему страстностью заявил: «Нет, только не эта скверная немецкая династия, которая уже давно потеряла всякие права на престол»⁵.

Своеобразное понимание монархического долга было свойственно и В. В. Шульгину, также считавшему себя убежденным монархистом. Как известно, в марте 1917 г. он вместе с А. И. Гучковым принимал отречение у Николая II, и на звучавшие позже обвинения в «предательстве», оправдывал свой поступок тем, что выполнил последний долг верноподданного, не позволив лишить монарха короны левым радикалам⁶. И даже такой ультраправый монархист, как А.И. Дубровин, никогда не позволявший себе даже малейшей критики монарха, после революции признавался, что считал царя «бесхарактерным» и «безвольным» (но при этом, правда, «очень умным человеком»). Подтверждая, что в своем отношении к недостаткам монарха он в монархическом лагере был не одинок, Дубровин рассказывал, что к нему приходили люди, указывавшие на неспособность царя управлять страной и убеждавшие его в необходимости дворцового переворота, поскольку являясь защитником монархического принципа, «не нужно быть непременно верным Николаю II». Однако, в отличие от Пуришкевича или Шульгина, Дубровин остался верен представлению о сакральности монархической власти и ее носителя: «на это я отвечал, есть текст Священного Писания „не касайся к помазаннику моему, он помазанник Божий“ и если терпим все то, что нам приходится от него терпеть, от его недостатков, отрицательных качеств, то должны смотреть на это с религиозной

¹ См.: *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 191–192, 282.

² Современное правосудие // Дым Отечества. 1914. № 22. С. 2; Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист») Александр Иванович Дубровин / публ. В. Г. Макарова // Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг. М., 2010. С. 122–123.

³ Рассказ В. М. Пуришкевича // Русское слово. 1917. 22 марта; *Пуришкевич В. М.* Вперед! Под двухцветным флагом. (Открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917. С. 21.

⁴ Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924. С. 77.

⁵ *Волошин М. А.* Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993. С. 263.

⁶ *Макаров В. Г., Репников А. В., Христофоров В. В.* Василий Витальевич Шульгин: штрихи к портрету // Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного. М., 2010. С. 31.

точки зрения, как на наказание, как на явление временное, <...> и не наше дело соваться туда и изменять силой»¹.

Однако такая позиция, как было показано выше, была свойственна далеко не всем лидерам русского правого движения. Для многих из них казалось нормальным защищать принцип самодержавия, но при этом не считать монарха сакральной фигурой. Царь, не оправдывавший их ожиданий, переставал быть для них помазанником Божиим, превращаясь в «слабое звено» русского монархизма, а потому лишался сочувствия и поддержки². Религиозный взгляд на природу царской власти многими из русских правых был утрачен, что, помимо их воли, неизбежно приводило и к ослаблению монархического принципа, который они пытались защищать.

Список литературы

- Б. В. Никольский. Дневник. 1896–1918 / изд. подгот. Д. Н. Шилов, Ю. А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 2.
Волошин М. А. Избранное. Стихотворения. Воспоминания. Переписка. Минск, 1993.
Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига, 1924.
Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.
Лукьянов М. Н. Самодержавие или самодержец: Николай II глазами российских правых // *Власть*. 2010. № 7. С. 159–162.
Макаров В. Г., Репников А. В., Христофоров В. В. Василий Витальевич Шульгин: штрихи к портрету // *Тюремная одиссея Василия Шульгина: материалы следственного дела и дела заключенного*. М., 2010. С. 5–132.
Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / сост. М. Б. Смолин. М., 2002.
Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2.
Приговоренный к расстрелу дважды («коммунист-монархист» Александр Иванович Дубровин) / публ. В. Г. Макарова // *Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.* М., 2010. С. 84–143.
Пуришкевич В. М. Вперед! Под двухцветным флагом. (Открытое письмо русскому обществу). Пг., 1917.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни. М., 2008.

---

¹ Приговоренный к расстрелу дважды... С. 135.

² *Лукьянов М. Н.* Самодержавие или самодержец: Николай II глазами российских правых // *Власть*. 2010. № 7. С. 162.